

E.N. Chesnova

The article is devoted to the religious and moral ideas of Leo Tolstoy, his understanding of the phenomenon of faith and the importance of moral behavior. The article looks into the issue of relevance of the teachings of the religious thinker to modern spiritual realities. The article analyzes the problem of integrity of Leo Tolstoy's teachings. When analyzing the religious and moral teaching of the thinker, the author of the article draws parallels with the teachings of Christianity. The author addresses the issue of the influence of religious and philosophical doctrines of certain philosophers on shaping the worldview of Leo Tolstoy and his teachings.

Key words: Leo Tolstoy, faith, love, action, salvation, paradigm of thinking, secularization.

Chesnova Elena Nikolaevna, PhD (Philosophy), ELeNika17@yandex.ru, Russia, Tula, Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University.

УДК 1(09)

ТЕОРИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ

В.И. Шумаков

Дан сравнительный анализ культурфилософских идей начала 1930-х гг. (О. Шпенглера и Э. Юнгера) и критики массовой культуры, развиваемой представителями Франкфуртской школы. Рассматриваются ключевые работы философов довоенного периода, ставшие базой для исследований франкфуртцев. Исследуются концепции кризиса культуры и его истоков, конформизма современного общества и пагубной роли технического прогресса.

Ключевые слова: О. Шпенглер, Э. Юнгер, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, Т. Адорно, конформизм, техника, производство, кризис культуры.

В начале 1930-х годов в культуре Германии происходят масштабные изменения. Резкий рост промышленного производства, приток населения из сельской местности в города, бурное развитие средств массовой информации и индустрии развлечений становятся причиной падения высокой, фаустовской культуры, на смену которой приходит культура масс. Свидетелями этих метаморфоз становятся, в частности, философы так называемой «консервативной революции» Освальд Шпенглер и Эрнст Юнгер. Они расценивают бум массовой культуры как разрушительный для индивида и для общества в целом, и в своих работах осмысливают кризис, происходящий в современной им Европе.

Освальд Шпенглер продельывает опыт такого осмысления в двух работах: во-первых, в своем докладе «Годы решений», который он читает в 1930 году и который выходит в печать спустя два года (еще до прихода Гитлера к власти), и в своей основополагающей работе «Закат Европы», где он намечает и прорабатывает идею кризиса европейской культуры. По его мнению, Европа совершает переход от культуры к цивилизации, в связи с чем культура деградирует. Вину за это Шпенглер возлагает на идеологов эпохи Нового времени и на идеологов Французской буржуазной революции. Их последователи, представители политэкономии, еще в XVIII веке начали рассматривать людей и их жизнь в качестве придатка к хозяйству и хозяйственному развитию государства, стали объяснять человеческую культуру, исходя из понятий рынка, торговли, товара и цены. В результате труд стал пониматься как то, что направлено на получение денег, т. е. трактовался не как призвание, а как заработок. Главной движущей силой становится рабочий, статус которого, по мнению Шпенглера, многократно преувеличен. «Один только “рабочий” достоин сострадания. Лишь его одного поддерживают, обеспечивают и страхуют. Более того, его делают святым, идолом времени. Весь мир вертится вокруг него» [6, с. 56]. Шпенглер напоминает, что рабочий, в отличие от крестьянина, дистанцирован по отношению к земле: у него нет дома, у него нет устойчивых ценностей и приоритетов. Он является более удобной силой как общество, однако он не укоренен в культуре. Параллельно с этим происходят сглаживание сословной иерархии, причем высшие слои общества опускаются до низших, а не наоборот: «Такова тенденция нигилизма: никто не думает о том, чтобы поднять массы до высоты настоящей культуры; это хлопотно и неудобно, возможно, отсутствуют и определенные предпосылки. Напротив — строение общества должно быть выровнено до уровня сброда. Должно царить всеобщее равенство: все должно быть одинаково пошлым» [6, с. 46]. Таким образом, происходит бурный рост массовой культуры, т. е. культуры рабочего, необразованных слоев населения.

Об этом говорит и Эрнст Юнгер. По его мнению, на место тихой культуры современного бюргерства приходит чрезвычайно динамичная культура больших городов. Большие города становятся сосредоточением противоречий. В них господствуют холодные отношения между людьми и сменяющие друг друга события. Разумная и размеренная жизнь в таких городах со зловещим движением превращается в «автоматическое времяпрепровождение». «Движение подчинило себе не только средства сообщения - механическое преодоление расстояния, соперничающее со скоростью снарядов, - но и всякую деятельность как таковую» [8, с. 163]. Изменения, по Юнгеру, происходят повсеместно, в человеческом разуме и даже в его речи: это стремительный язык, который не обращает внимания на мелкие подробности и основная задача которого — производить. Кризис отражается в искусстве, где виден его упадок. На второй план отступает живопись, на

свет появляется фотография, которая представляет не индивидуальные лица, а типажи. Жизнь в новом искусстве начинает открываться совершенно другой стороной. Юнгер указывает: «Скорее, мы обнаруживаем, что жизнь начинает демонстрировать фрагменты, которые предназначены именно для линзы и совершенно не предназначены для карандаша» [8, с. 200]. Искусство приобретает принципиально другие возможности, но одновременно демонстрирует процессы, говорящие о его разрушении, в конкретных его видах виден упадок.

Юнгер и Шпенглер говорят о том, что на упадок культуры и воцарение массы огромное влияние оказывает техника, выражающая современный ритм жизни и олицетворяющая новый механический порядок во всех сферах жизни. Шпенглер считает технику основой европейской культуры. Он говорит о технике как о специфической стратегии человека и с эволюционной точки зрения рассматривает ее как продолжение человеческой руки и то, что приходит на смену человеческих орудий. Он говорит, что живет в переломную эпоху, когда люди сделали все окружающие вещи и явления зависимыми от самих себя, но одновременно сами впали в зависимость. Он подчеркивает: «...Фаустовские люди сделались *рабами своего создания*. Их численность и все устройство образа жизни оказались вытеснены машиной на такой путь, на котором невозможно ни остановиться хоть на миг, ни отступить назад» [7, с. 535]. Юнгер приводит в пример значение техники при ведении боевых действий. Он говорит о том, что в старые времена война была войной офицеров и солдат, которая проявляла характеры и закаляла личность. В современном мире война превращается в войну безликой массы, где выигрывает тот, кто лучше вооружен.

В 30-е годы XX века в Германии формируется новая критическая теория, получившая название «Франкфуртская школа». Она возникает на базе Института социальных исследований при Университете Франкфурта-на-Майне, объединяя таких философов, как Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер, Юрген Хабермас и др. Франкфуртцы, которые начинали свои исследования в Германии, но в 1933 году вынужденные иммигрировать в США, унаследовали идеи, проблематику и критические ходы у немецких философов 1930-х годов, поэтому их сходство с культурно-философской мыслью того времени очевидно. Так же, как и у их предшественников, центральное место в философии Франкфуртской школы занял критический анализ современного общества, превратившегося, на их взгляд, в тоталитарное государство принуждения. Объектом манипуляции при этом становится масса, которая понимается нами как «подавляющая часть населения, характеризующаяся однородностью и довольством собственным положением, что обуславливает его пассивность и инертность в плане готовности к какому-либо значимому социальному действию или выражению протеста» [2].

Франкфуртцы стали свидетелями колоссального роста производства и бума индустрии развлечений, основанной на встраивании всей культуры, в том числе и высокой, в механизм производства товаров и услуг. При этом они наблюдали как за развитием стран Западной Европы и Соединенных Штатов, так и за изменениями, происходившими в СССР, придя к выводу, что капитализм и социализм есть лишь разновидности современного индустриального общества с его тоталитаризмом и манипуляцией общественным сознанием, достигаемыми с помощью навязывания одинаковых потребностей и стирания отличий между культурами, что деструктивно для индивида. «...Стирание культурных границ и массовое распространение усредненных культурных образцов, не имеющих отношение ни к одной национальной культуре, обуславливает тотальное снижение творческого потенциала личности» [3].

Одной из центральных работ, затрагивающих тему манипуляции сознанием, стала книга Герберта Маркузе «Одномерный человек», опубликованная в 1964 году в США. В ней автор последовательно излагает результаты длительных исследований общества середины XX века. Герберт Маркузе описывает способы подчинения людей в обществе, объявленном свободным, и называет современного человека «одномерным», управляемым с помощью навязанных ему ложных потребностей. Маркузе, иммигрировавший в США из Германии и оставшийся там и после окончания Второй мировой войны, стал свидетелем роста экономики, благосостояния и потребления и одновременно очевидцем сохраняющихся проблем неравенства, расизма и бедности.

В свободном обществе, заявляет Маркузе, управление обеспечивается с помощью «новых форм контроля». Если во времена, когда рабство было обычным делом, цели господ достигались с помощью запретов и дозволений, то теперь человек контролируется при помощи навязанного ему образа жизни, который он воспринимает как свой собственный выбор. «Развитая цивилизация — это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе. В самом деле, что может быть более рациональным, чем подавление индивидуальности в процессе социально необходимых, хотя и причиняющих страдания видов деятельности» [4, с. 17].

В философии Маркузе продолжается тема немецких философов 1930-х годов о том, что местом развития нового общества являются большие города, где человек, оторванный от земли и от своих традиционных ценностей, становится частью стремительного потока безликой массы. Спустя 30 лет, в 1960-х, несмотря на развитие науки и техники, человек все еще был обязан напряженно работать. Причем это не работа руками и не работа на себя самого, это монотонная, отупляющая, нелюбимая работа. Вся трудовая деятельность горожанина теперь направлена только на удовлетворение навязанных потребностей: «расслабляться, развлекаться, по-

треблять и вести себя в соответствии с рекламными образцами, любить и ненавидеть то, что любят и ненавидят другие» [4, с. 22]. Человек является одновременно и работником, и клиентом системы производства и распределения.

Тоталитарность развитого общества раскрывается в наложении влияния индустриального аппарата не только на рабочее, но и на свободное время человека. Технологическая реальность, массовое производство и распределение сводят на нет личное пространство, претендуют на *все* индивида. В рабочее время человек производит продукты, которые сам в нерабочее время и потребляет. В итоге он становится лишь элементом огромной производящей машины - считают франкфуртцы. Частные интересы (т.е. интересы товаропроизводителей) выдаются с помощью СМИ за интересы всех людей: одеваться согласно моде, иметь престижный автомобиль, посещать концерты и шоу, покупать бытовую технику и предметы роскоши. Причем мода меняется скоротечно, новинки появляются одна за другой. Такое общество изобилия, по Маркузе, несет деструктивную функцию. Но притеснение со стороны индустриального общества «вполне терпимо или даже сулит вознаграждение и удобства» [4, с. 12], а истинные потребности, потребности которые требуют освобождения, при этом успешно душатся. Ложные потребности, которые созданы и существуют в желаниях, поощряемых потребительством, могут быть удовлетворены как минимум временно, но только в ущерб истинным потребностям, которые остаются неудовлетворенными.

Объектом критической философии Франкфуртской школы становятся все сферы жизни современного человека. Они видят господство одномерного мышления и тоталитаризм во всем: в политике, науке, искусстве, материальном и духовном, на работе и в свободное время. Даже само понятие свободы в капиталистическом обществе теряет свой истинный смысл. В «свободном обществе» люди не являются свободными, автономными и независимыми. Свобода сводится лишь к свободному выбору тех или иных товаров или политических партий. «Ложные потребности потребителя и выбор избирателя предлагаются рекламой и парламентской демократией, подавляющей реальные потребности в полезных продуктах и истинной политической свободе» [9, с. 55].

Говоря о демократической свободе и главной ее черте — свободе выбора, Юрген Хабермас подчеркивает, что и ее в современности не существует, так как роль избирателя вычленена: «Принятое в результате выборов решение определяет в целом только персоналии руководящего состава, а его мотивы оказываются за пределами дискурсивного контекста, воздействующего на волеизъявление» [5, с. 127]. По мнению Хабермаса, система обеспечивает лояльность масс двумя способами: конструктивным - в этом случае проекты социальных программ выдвигаются государством и селективным - из публичных дискуссий исключаются определенные темы и со-

общения, которые могут идти во вред или вразрез с интересами системы. Это «достигается с помощью либо социально-структурных *фильтров* доступа к формированию общественного мнения, либо *деформацией* структур общественной коммуникации с помощью бюрократических методов, либо манипулированием потоками информации» [5, с. 127].

Культурная сфера жизни человека также, по мнению философов Франкфуртской школы, претерпела колоссальные изменения. Сегодня даже высокая и традиционная культура успешно встроены в существующую систему производства и потребления. Теодор Адорно, известный теоретик искусства, который сам был композитором и музыкантом, видел в современной культуре те же самые черты, что и во всей капиталистической системе: стремление больше производить и продавать, причем раз за разом одни и те же продукты, усмиряя потребность человека в новом путем «стандартизации и псевдоиндивидуализации». «...Современные популярные песни выпускаются все более и более похожими друг на друга. Они характеризуются посредством базовой структуры, части которой взаимозаменяемы. Однако данная структура умело спрятана излишествами, новинками и стилистическими изменениями, которые прилагаются к песням как нечто, придающее им уникальность» [9, с. 59]. Этот метод в работах Адорно упоминается, когда он говорит о музыке, однако с легкостью можно увидеть процессы стандартизации и псевдоиндивидуализации в любом направлении массовой культуры: в кинематографе, литературе, живописи, равно как и при производстве товаров и услуг.

В итоге возникает некая «идеология» конформистского общества потребления. Роланд Барт, говоря о ней, утверждал, что она «...работает главным образом на уровне коннотаций, а затем на уровне бессознательных смыслов, которые осуществляют тексты и действия» [1, с. 48]. Для Барта классическим примером работы идеологии является попытка сделать универсальным и узаконенным то, что фактически частично и специфично; попытка выдать культурное (сделанное человеком) за нечто природное (просто существующее). Другими словами, в современном обществе происходит попытка навязать человеку ненужные блага и ритм существования, вытеснив естественный, единственно верный образ жизни, позволяющий человеку самореализовываться и быть счастливым без индустриальных товаров и услуг.

Взгляды франкфуртцев во многом схожи с философией Германии 1930-х годов, а некоторые тезисы напрямую вытекают из работ Юнгера и Шпенглера. Например, схожи точки зрения франкфуртцев по вопросу введенной в абсолютизм роли рабочего. Как уже говорилось выше, Шпенглер считал роль рабочего излишне акцентированной, ведь именно в рабочих виделась главная революционная сила. Однако Маркузе пишет, что в XX веке пролетариат удалось усмирить, и это главная победа индустриального общества. Традиционно революционный рабочий класс теряет свою под-

рывную силу. Более того, в индустриальном обществе он выходит на передний план потребления: его члены финансово более обеспечены и могут купить многие вещи, которые они желают купить, или же думают, что желают, и, следовательно, нет более сознательной причины для желания свергнуть капитализм.

Усмирению рабочего класса также способствует «система социальной защиты» - считает Хабермас. Общепринятыми становятся роли, которые предлагает система занятости. Разного рода поощрения, «гуманизация» рабочего места, юридически-оформленные гарантии облегчают тяготы наемного труда. «Это значительно снижает напряжение, ущерб и риск, которые связаны обычно со статусом рабочих и служащих. Роль работающего по найму теряет свои болезненно пролетарские черты благодаря непрерывному повышению жизненного уровня, хотя и дифференцированно по социальным слоям» [5, с. 130].

Высокий динамизм и городское движение, по мнению Юнгера, поглощает не только конкретного человека, но и целые массы людей. Человек старается приспособиться к стремительной смене событий, пытается успеть за временем, но оно его поглощает. В результате утрачиваются нормальное общение, нормальные чувства и нормальная деятельность. Юнгер пишет: «Движение подчинило себе не только средства сообщения - механическое преодоление расстояния, соперничающее со скоростью снарядов, - но и всякую деятельность как таковую» [8, с. 163]. Франкфуртцы продолжают эту идею, указывая, что высокий ритм жизни задается общим характером «механической» жизни, подобной конвейеру завода. Чрезвычайно динамичный ритм поддерживается всюду: на работе, на улице, дома. Этот же ритм задан в массовой культуре, говорит Адорно, приводя в пример поп-музыку. «Популярная музыка предлагает отдых от сурового «механизированного труда» именно потому, что это не требуется и это не сложно, а потому, что её можно слушать в отвлеченной и рассеянной манере. Люди желают поп-музыку частично потому, что капиталисты «вдолбили» это желание в их умы и сделали его наглядно желаемым. Но их желание также разжигается симметрией между производством и потреблением, которые характеризуют их жизни в капиталистическом обществе. Люди желают популярную музыку, потому что стандартизированные продукты потребления отражают стандартизованную, повторяющуюся и скучную натуру их работы в производстве» [9, с. 62].

Этот ритм постоянно продолжает расти. Путь, на котором, как говорит Шпенглер, «...невозможно ни остановиться хоть на миг, ни отступить назад», приводит человека в царство рациональности, где есть место только действию. Меняется даже язык человека (и, как следствие, — его мышление), главные добродетели которого — краткость и рациональность. Это стремительный язык, который не обращает внимания на мелкие подробности и основная задача которого — производить. Это голая механика рабо-

ты, механическое движение, доведенное до автоматизма, считает Юнгер. То же самое подчеркивает Маркузе, добавляя, что язык к тому же становится необычайно плотным, понятия приобретают такую форму, в которой невозможна различная трактовка. Это язык-приказ, язык-указание. Обескураживающая конкретность современного языкового стиля постоянно навязывает образы и соответственно препятствует возникновению, развитию и выражению «понятий» (*понятие* как раз является способом *не* отождествлять вещь и ее функцию, а смотреть на вещи *со стороны*, понимая все его возможные значения и функции). Функционализированный, сокращенный и унифицированный язык является языком одномерного мышления. Это закрытый язык. Он «не показывает и не объясняет — он доводит до сведения решение, мнение, приказ. И там, где он определяет, определение становится «отделением добра от зла»; он непрерываемо устанавливает правое и не правое, утверждает одну ценность как основу другой. Основу его движения составляют тавтологии, однако тавтологическим «предложениям не откажешь в потрясающей эффективности» [4, с. 143].

Современный мир с его рациональностью и логикой Маркузе видит порочным. Дотехнологический и технологический разум связываются через господство человека над человеком, несмотря на прогресс и все прогрессивные изменения в единый исторический континуум. Личная зависимость раба от господина лишь заменяется зависимостью человека от «объективного порядка вещей», то есть экономических законов, рынка и т. д., и этот «объективный порядок» сам является результатом господства.

Проблемы, которые поднимали сначала немецкие философы 1930-х годов, а затем представители Франкфуртской школы, и сегодня не теряют актуальности. Напротив, именно сейчас они приобретают наиболее острый характер. Контрасты, которые видели франкфуртцы, теперь заметны как никогда. На фоне стремительного развития высоких технологий до сих пор не решены простейшие бытовые проблемы основной массы населения. Человек уже готовится тратить миллиарды на освоение новых планет, в то время как на его собственной есть регионы, в которых процветают голод, нищета и расовый геноцид, где даже такая простая вещь, как чистая вода, является дефицитом. В то же время, имея доступ ко всей информации мира, подавляющее большинство образованного населения не выходит за пределы своих ближайших интересов, а даже когда это происходит, рутинная и зависимость от сложившегося порядка вещей заставляет вскоре забывать о происходящем вне зоны личного комфорта.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
2. Грибов С.Н. Производство информации и производство социальных масс // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. Вып. 2. Ч.2. Тула: Изд-во ТулГУ, 2009. С. 3-12.

3. Загибалова М.А. Особенности культурного развития современности: феномен границы // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2001. Вып. 3. Ч. 1. Тула: Изд-во ТулГУ, 2011. С. 27-35.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2009. 331 с.
5. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // THESIS. Вып.2 / пер. В.И.Иванова, 1993. С. 123-136.
6. Шпенглер О. Годы решений. / под общ. ред. А.В. Михайловского. М.: СКИМЕНЪ, 2006. 240 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 2. 608 с.
8. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А. В. Михайловского. СПб.: Наука, 2000. 540 с.
9. Strinati D. An Introduction to Theories of Popular Culture. Second edition. London; New York, 2004. 294 с.

Шумаков Владимир Игоревич, аспирант, shumakov.v.i@gmail.com, Россия, Курск, Курский государственный университет.

*MASS CULTURE THEORY OF FRANKFURT SCHOOL IN THE CONTEXT
OF "KULTURPHILOSOPHIE" REFLECTIONS OF THE EARLY 1930s*

V.I. Shumakov

The article represents the comparative analysis of 'kulturphilosophie' ideas of the early 1930s (O. Spengler and E. Jünger) and criticism of the mass culture, which was developed by Frankfurt school. The main works of the pre-war period, which formed the basis for the Frankfurt school researches, are discussed. The author analyses the concepts of culture crisis and its sources, conformism of the modern society and fatal role of technological advance.

Key words: O. Spengler, E. Jünger, H. Marcuse, J. Habermas, T. Adorno, conformism, technique, manufacturing, crisis of culture.

Shumakov Vladimir Igorevich, post-graduate student, shumakov.v.i@gmail.com, Russia, Kursk, Kursk State University.